

ИГРА БЕЗ СОХРАНЕНИЙ — 2 — МОЛОТ ЙОРНЫ —

КИРИЛЛ МАЛЬЦЕВ

18+

Кирилл Мальцев

Игра без сохранений

- 2 Молот Йорны

<https://litres.ru/74409378>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Ты не оставила мне выбора... — выдохнул Эмерик.

— Разве? — удивилась Ведьма. — Я показала тебе путь. Шаг ты сделал сам.

Он думал, что спасает друга. Но он не знал, что заплатит за это своей душой.

Теперь холод, который должен был стать его силой, пожирает его изнутри. Элланор на пороге войны, а грань между реальностью и игрой становится всё тоньше.

Что остаётся от человека, когда он теряет себя, но продолжает идти вперёд? Когда единственный способ спасти друзей — это пожертвовать одним из них?

Содержание

Пролог. Память.	4
Глава 1. Нортхольм.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кирилл Мальцев

Игра без сохранений

- 2 Молот Йорны

Пролог. Память.

Гида вышла из города через восточные ворота ещё затемно. Стража пропустила её без вопросов — ей, как гостье, было позволено свободно передвигаться по Нортхолму и его окрестностям.

Она шла по узкой тропе, петляющей меж вековых деревьев, и ей казалось, что свежий, чуть сладковатый воздух с каждым вдохом наполнял её тело силой.

Боги, как же здесь хорошо! — с улыбкой на лице подумала Гида. Она остановилась возле одного из деревьев и закрыла глаза, прислушиваясь к щебетанию птиц. Ужас, который они пережили в Риверхолде, так ярко врезавшийся в её память, отступал. Дым от пожаров, подвал, заполненный отчаявшимися женщинами, прижимающими к себе детей, орки — всё это осталось где-то там, словно в другой жизни, хоть и прошло всего два дня.

Сегодня мы вернёмся домой, — Гида подсчитала в голове дни, проведённые в Элланоре с момента их последнего пе-

ремещения.

И тут же внутри неё что-то дрогнуло. Не радость. Что-то другое. Неожданное.

Она не хотела домой.

Мысль пришла внезапно. Гида распахнула глаза и уставилась на деревья, пытаясь прогнать её.

Я не хочу возвращаться, — повторила она про себя, и от этих слов стало страшно.

Здесь, в Элланоре, она была не просто Олей из офиса. Здесь она была Гидой. Агентом Астирии. Той, от кого зависит судьба её дома. *Её дома?* Здесь она чувствовала себя живой. По-настоящему.

В реальном мире её ждала обычная жизнь. Работа. Скука. Страх, что она не справится. Что её никто не воспринимает всерьёз.

Гида прикусила губу и зажмурилась.

Что со мной не так? Я хочу домой. Я должна хотеть домой. Там моя семья. Моя мама. Моя квартира. Моя жизнь. Там... там безопасно.

Её размышления прервал странный, ни на что не похожий звук. Это был высокий, протяжный свист, который начинался с тонкого эха, а затем плавно опускался в глубокий, почти осязаемый гул. Он раздавался откуда-то спереди — дальше по тропе — по которой она прогуливалась.

Гида замерла, прислушиваясь. Звук повторился — такой же протяжный, глубокий, идущий из глубины леса.

Она двинулась вперёд, осторожно ступая по тропе, стараясь не хрустеть ветками. С каждым шагом звук становился отчётливее, и вскоре к нему присоединился другой — мягкий, ритмичный перестук копыт о землю.

Лес расступился.

Гида вышла на широкую поляну и остановилась, затаив дыхание. Вокруг, куда ни глянь, лежал снег, искрящийся под лучами восходящего солнца. Но здесь, на поляне, его не было. Вместо него землю укрывал серебристый мох, мягкий и тёплый на вид.

Прямо перед ней, в утреннем тумане паслись маралы. Их белоснежные шкуры светились в лучах восходящего солнца, а могучие ветвистые рога, казалось, источали мягкий свет, оставляя в воздухе едва заметные искрящиеся дорожки. Они двигались почти бесшумно, грациозно, и Гида почувствовала, как её собственное дыхание замедлилось, подстраиваясь под этот ритм.

Она стояла и смотрела, забыв обо всём. Один из маралов поднял голову и посмотрел прямо на неё. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, а затем он неторопливо отделился от стада и направился к ней.

Гида боялась пошевелиться. Животное подошло почти вплотную, и Гида, преодолев страх, осторожно протянула ладонь. Марал уткнулся в неё своей тёплой, влажной мордой. Гида почувствовала, как в её груди разливается умиротворение.

— Он редко подходит к чужакам, — раздался тихий голос за спиной. — Видимо, ты ему по душе.

Гида вздрогнула, и, мягко убрав ладонь, обернулась. Марал развернулся и медленно побрёл обратно к стаду.

Эльф стоял в трёх шагах от неё. Высокий, с сединой в тёмных волосах, стянутых в небрежный хвост. На нём была простая одежда: светло-голубой плащ, тёплая туника, сапоги, чуть намокшие от снега.

Никаких украшений, если не считать тонкого серебряного кольца на безымянном пальце.

— Вы живёте здесь? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Нет, — он улыбнулся, и улыбка оказалась тёплой, почти отеческой. — Я прихожу сюда, когда хочу побыть в тишине. Это место напоминает мне о том, что было. И о тех, кто ушёл.

Эльф шагнул вперёд, останавливаясь рядом с ней. Оба смотрели на поляну, где маралы мирно щипали серебристый мох, иногда поднимая головы и водя ушами.

— Как ты, наверное, успела заметить, — сказал он, кивнув в сторону поляны, — здесь совсем нет снега. Зима обходит это место стороной. Наши легенды гласят, что здесь, на этой поляне, проросла первая искра жизни, после того, как мир был создан. И это место до сих пор помнит то самое — первое тепло.

Гида молчала, чувствуя, что всё именно так, как и сказал незнакомец.

— Я часто приходил сюда с ними, — продолжил он, и го-

лос его стал глубже, мягче, словно он говорил с самим собой. — С моими сыновьями. Они любили этих животных. Младший — Эл'Егвейн — мог часами сидеть на мху и смотреть на маралов. А старший... старший мечтал стать всадником. Вести за собой отважных воинов... сражаться со злом...

Он усмехнулся, но в этой усмешке ощущалась горечь утраты.

— Они оба погибли. Великая Метель забрала их...

Гида хотела сказать что-то, но слова застряли в горле. Она просто стояла рядом и слушала, чувствуя, как его боль отзывается в ней тихой, щемящей нотой. Слезы начали собираться в уголках её глаз.

— Они сражались до последнего, — продолжил эльф, и в его голосе зазвучала гордость. — И когда я смотрю на этих животных, я вижу их. Я вижу, как они скачут по снегу, как ветер развеивает их волосы. Вижу свет в их глазах. И я знаю... — он замолчал на мгновение, — что они не ушли насовсем. Они здесь. В этом месте. Обрели покой.

Гида сглотнула. Она не знала, что сказать, поэтому просто коснулась его плеча — легонько, надеясь хоть немного унять его боль.

— Мне жаль, — тихо сказала Гида. Её губы дрожали.

— Мне тоже, — ответил он. — Но это часть жизни. Мы несём в памяти лица тех, кого потеряли. И пока мы помним — они живы. — Он перевёл взгляд на поляну. — Я прихожу сюда, чтобы напомнить себе об этом.

Они стояли молча, глядя на маралов. Гида перестала сдерживаться, и слёзы бесшумно текли по её щекам.

Эльф заметил это, но ничего не сказал. Просто стоял рядом, давая ей время. Тишина длилась долго, и Гида почти забыла, где находится. Слёзы постепенно высыхали, и вместе с ними уходила тяжесть, которую она носила в себе последние дни. Ей стало гораздо легче.

— Слёзы — это не слабость, — нарушил тишину эльф, не глядя на неё. — Это память. Память о наших потерях, наших неудачах, наших страхах.

Гида всхлипнула, но улыбнулась сквозь слёзы.

— Иногда я думаю, что если бы я могла просто забыть всё... стало бы легче.

— Стало бы, — согласился эльф. — Но тогда ты перестала бы быть собой. А ты нужна этому миру. Именно такая.

Он замолчал на мгновение, и когда заговорил снова, в его голосе появилась та самая отрешённая мудрость, которую Гида уже слышала в его словах.

— Я чувствую, что грядёт новая война. Не та, что была. Другая. Она ещё не началась, но я слышу её дыхание. И знаешь, что я понимаю?

— Что? — спросила она тихо.

— Что мы уже не те, кто поведёт воинов в бой. Наши руки хуже слушаются нас, а сердца слишком много раз переживали смерть близких, чтобы биться с прежней яростью. Пришло время других сражаться за Элланор. Молодых. Силь-

ных. Тех, кто сможет развеять тьму, даже когда кажется, что это невозможно.

Он повернулся к ней, и в его глазах мелькнула та самая загадочная искра, которую она не могла разгадать.

— Ты знаешь, что такое тьма? — спросил он.

Гида задумалась.

— Это когда нет надежды. Когда кажется, что всё конечно. Когда ты не видишь выхода.

— Верно, — кивнул эльф. — Но тьма никогда не бывает абсолютной. Даже в самой глубокой ночи остаётся искра. Иногда её почти не видно — маленький огонёк, который теплится где-то внутри. И кажется, что он вот-вот погаснет. Но если его раздуть... он может разгореться в пламя. Пламя, которое осветит путь и согреет своим теплом. Пламя, которое прогонит тьму.

— Но что, если некому его раздуть? — спросила она. — Если я не знаю, как?

Эльф улыбнулся.

— Знаешь. Каждый из нас рождается с этим знанием. И всегда найдутся те, кто встанет рядом. Те, кто поможет. Запомни это, Гида. Ты не одна.

Она хотела спросить, откуда он знает её имя, но не успела.

— Ступай, — сказал он, и в его голосе прозвучала мягкая, почти прощальная нотка. — Твои друзья ждут тебя. А я... я побуду здесь. Ещё немного. Мне нужно побыть в тишине.

Гида кивнула. Она чувствовала, что разговор окончен.

Что всё, что должно было быть сказано, уже сказано.

— Спасибо, — сказала она и поклонилась. — Вы очень помогли мне.

Эльф не ответил. Он смотрел на маралов, и его лицо было спокойным. Гида развернулась и пошла по тропе обратно.

Через несколько шагов она обернулась. Поляна была пуста. Эльф исчез, словно его и не было. Только маралы по-прежнему паслись на поляне, а ветер доносил до неё их голоса.

Глава 1. Нортхольм.

Нортхольм пробуждался ото сна.

Солнце только-только начинало свой бег, озаряя мостовую длинными полосами света. Город ещё не проснулся до конца, но жизнь в нём уже теплилась: хлопнула дверь, скрипнула калитка, чей-то голос негромко окликнул кого-то в конце улицы.

Фиран стоял у окна и смотрел на это, чувствуя себя лишним.

Из комнаты Родгара доносился ровный, размеренный храп — он восстанавливал силы после осады Риверхолда. Гида куда-то запропастилась, а Эмерика сразу по прибытии забрали друиды, и с тех пор друзья его не видели.

Фирану осточертело просто сидеть в комнате, глядя на стены, и ждать, когда эльфы соизволят сказать им, что будет дальше. Два дня они жили в Нортхольме. Их накормили, подлатали раны, дали новую тёплую одежду — и словно забыли. Никаких встреч. Никаких планов. Только короткое: *Отдыхайте, вас призовут.*

Но время шло. А их никто не звал.

Неопределённость выводила его из равновесия. Он чувствовал себя не гостем, а заложником — сытым, одетым в чистое, но всё равно заложником. И это чувство росло с каждым часом.

Фиран накинул плащ, вышел из гостевого дома и побрёл по улице без особой цели, надеясь, что прогулка и свежий воздух развеют хотя бы часть этой тягостной тишины.

Он миновал несколько кварталов, разглядывая жилища северных эльфов, пока не услышал ритмичный стук. Стучали где-то впереди за рядом высоких домов.

Заинтересовавшись, Фиран пошёл на звук.

Узкий проход между двумя зданиями вывел его на широкий двор, обнесённый невысокой каменной стеной. Здесь на расчищенной от снега площадке, с одного края стояли деревянные столбы с потёртыми мишенями, а в центре тренировались воины.

Их было восемь — по четыре бойца, стоящих друг напротив друга. Молодые эльфы в лёгких доспехах, с учебными мечами и круглыми щитами. Они двигались синхронно, как одно целое: шаг, удар, блок, контратака. Их движения были плавными и быстрыми — словно танец, несущий смерть.

Рядом с ними стоял Эльварфаэль.

Фиран узнал его сразу — Эльварфаэль был одним из тех, кто спас Родгара в Риверхолде. Он стоял молча, скрестив руки на груди, и иногда подходил к кому-то из воинов, поправляя его руку или показывал, как правильно ставить ноги при атаке.

Фиран задержался у входа, наблюдая. Его глаза бегали от одного воина к другому, стараясь запомнить каждое движение.

Он хорошо продвинулся в принятии памяти настоящего Фирандаэля. И это уже пару раз спасло ему жизнь. *Баиня, Гримвуд, Риверхолд...* Он сражался и убивал. Но то, что он видел сейчас, было другим. Больше похожим на искусство, чем на сражение.

Он сам не заметил, как сделал шаг вперёд.

Эльварфаэль повернулся к нему и подал знак ученикам. Стук деревянных мечей стих.

— У нас гость, — мягко сказал Эльварфаэль. — Как мы встречаем гостей?

Ученики склонились в поклоне.

Фиран замер. Он не привык к тому, что ему кланяются, и растерялся. Память подсказывала, что на юге, до падения Элеара, воины приветствовали друг друга коротким кивком или рукопожатием. Но здесь всё было иначе.

Он неловко поклонился в ответ, чувствуя себя каким-то увальнем.

Эльварфаэль чуть заметно улыбнулся и жестом отпустил учеников. Те отошли к краю площадки, оставляя центр свободным. Один взял кувшин с водой, другой принялся перематывать рукоять меча, остальные расселись по скамьям. Но все они краем глаза наблюдали за гостем.

— Что привело тебя сюда? — спросил Эльварфаэль, подходя ближе.

— Услышал шум, — ответил Фиран. — Решил посмотреть.

— И как тебе?

— Красиво, — произнёс Фиран. — Но не знаю, насколько эффективно в настоящем бою.

Позади него раздался свист.

— Кто это там мешает мне разговаривать? — негромко произнёс Эльварфаэль и глянул на своих учеников. Площадка тут же погрузилась в тишину.

Он повернулся к Фирану, и в его глазах мелькнул интерес.

— Ты сомневаешься в нашем умении сражаться? — спросил он. В его голосе не было ни обиды, ни раздражения. Лишь интерес к гостю.

Фиран пожал плечами.

— Я привык сражаться по-другому. Обычно в бою нет времени на красивые движения. Либо ты убиваешь — либо тебя.

— Покажи, — бросил Эльварфаэль.

Фиран нахмурился.

— В каком смысле?

— В прямом, — Эльварфаэль сделал шаг назад, освобождая пространство. — Ты затронул отличную тему для урока. Этим юношам, — он обвёл взглядом учеников, наблюдающих за ними, — вскоре предстоит стать воинами Нортхольма. И им будет очень полезно посмотреть, как сражаются южане.

Фиран помедлил. Он не ожидал, что его слова обернутся уроком для молодых воинов. Но отступить было поздно.

— Что от меня требуется? — переспросил Фиран.

— Я хочу, чтобы они увидели другой путь, — ответил Эльварфаэль. — Север учит нас плавности и точности. Юг учит выживать любой ценой. И то и другое имеет право на существование.

Он подошёл к стене, где лежали тренировочные мечи, и взял один — лёгкий, деревянный, с идеальным балансом. Бросил Фирану.

— Покажи им, как ты сражаешься. Не сдерживайся.

Фиран поймал меч. Пальцы сомкнулись на рукояти с привычной уверенностью. Он посмотрел на учеников — молодые эльфы продолжали внимательно наблюдать за происходящим.

— Хорошо, — сказал он и шагнул в центр круга. Но я не обещаю, что это будет так же красиво.

— Дело не в красоте, — ответил Эльварфаэль, беря второй меч. — Главное — результат.

Он встал напротив, заведя руки за спину, давая Фирану преимущество.

Фиран атаковал первым.

Он бросился вперёд, стремясь нанести короткий рубящий удар. Эльварфаэль легко ушёл в сторону, и клинок рассёк воздух. Фиран, не останавливаясь, резко развернулся и атаковал снова, целя острием меча противнику в живот. Эльварфаэль повернул корпус, пропуская Фирана вперёд, и молниеносным движением ноги подсёк его, отправляя в полёт.

— Неплохо, — сказал он, с улыбкой наблюдая, как Фиран поднимается на ноги. — Ты не даёшь противнику времени на раздумья. И зачастую этого бывает достаточно. Продолжай.

Фиран поднялся на ноги, потирая ушибленное колено. Внутри него закипала злость — не на Эльварфаэля, а на себя. На то, что он не может даже коснуться противника.

Он сжал рукоять меча и снова бросился в атаку.

На этот раз он бил быстрее, выжимая из себя всю скорость, на которую было способно его тело. Короткие рубящие удары сменялись выпадами, и наоборот.

Эльварфаэль уклонялся — плавно, почти небрежно. Он не заблокировал ни одного удара, ни разу не попробовал контратаковать. Просто уходил с линии атаки, порой в опасной близости от меча Фирана.

— Смотрите, — сказал он, обращаясь к ученикам, но не сводя глаз с Фирана. — Он полностью отдался схватке. Весь — без остатка.

Фиран попробовал нанести ещё один удар — размашистый, по диагонали. Внезапно Эльварфаэль сменил тактику — он шагнул вперёд, жестко отбил удар Фирана и неуловимым движением рубанул его по животу. Фиран выронил меч и упал на колени, пытаясь вдохнуть.

Эльварфаэль опустил меч и протянул ему руку.

— Встань, — сказал он спокойно. — Ты сражался достойно.

Фиран схватился за руку и поднялся, всё ещё хватая ртом

воздух. Он чувствовал, как дрожат руки, как колени подгибаются от усталости. Но он не опустил взгляд.

— Я проиграл, — сказал он, держась за живот.

— Но при этом ты стал сильнее, — улыбнулся Эльварфаэль. Он повернулся к ученикам, и его голос стал чуть громче.

— Наш родич слишком много времени провёл среди людей и перенял их манеру боя. Он сражается яростно, стремительно, вкладывая всю силу в каждый удар. Это неплохо, когда противник один. И может обернуться смертельной ошибкой, если их несколько.

Он положил руку на плечо Фирана и продолжил:

— Но не думайте, что наши южные собратья слабее нас. Я уверен, будь у него в руках лук, и ни один из вас не успел бы к нему приблизиться.

Фиран не успел ничего ответить, как с края двора раздался смех и несколько хлопков в ладоши.

— Браво, Эльварфаэль. Ты показал этому малорну, как сражается настоящий воин.

Аэриндэль стояла у входа, прислонившись плечом к каменному столбу. Она была без доспеха — в простой светлой тунике и тёмных штанах, заправленных в высокие сапоги. Её белые волосы были распущены, и ветер играл с ними, разбрасывая тонкие пряди по плечам. На губах играла лёгкая усмешка.

Фиран почувствовал злость, поднимающуюся из самых глубин его естества.

— Да ты просто пример гостеприимства, — ответил он сквозь зубы.

— А ты просто ещё один малорн, которого нужно кормить, одевать, и нянчиться как с ребёнком, — произнесла она, делая шаг вперёд. — Наши дети обращаются с мечом лучше, чем ты.

Фиран медленно выпрямился. Он чувствовал, как горят лёгкие, как дрожат руки после схватки.

Но в этот момент он смотрел на неё не как на обидчицу. Он смотрел на неё как на ту, кто говорит, не зная, что говорит.

А затем воспоминания накрыли его с головой.

Он не был там, когда Элеар пал. Но память настоящего Фирандаэля, которую он принял, впитал в себя за эти дни, ожила.

Он стоял на вершине холма и смотрел, как его дом утопает в огне.

Элеар — жемчужина юга, лес, где каждый уголок дышал магией, где деревья источали изумрудный свет, где веками жил его народ. Он помнил его таким. А потом пришла она.

Найла. Королева, верхом на итормовом драконе.

Она просто подняла свой посох — и небо расколосось. Молнии, рождённые её волей, ударили в ипили Элеара. Огонь, вырвавшийся из-под земли, пожрал корни древних деревьев. А её армии — обрушились на них, словно стальная лавина.

Он видел, как падает его отец — пронзённый стрелой.

Как мать закрывает собой младшую сестру, а их дом обрушивается на них. Как брат — тот, кто учил его стрелять из лука, тот, кто пел на праздниках — падает с мечом в руке, истекая кровью.

Он видел их лица. Всех. Друзей, соседей, тех, кого он знал с детства. Они падали один за другим. А он бежал. Бежал, потому что победить было невозможно. Потому что кто-то должен был выжить. Чтобы отомстить.

Воспоминание схлынуло так же внезапно, как и появилось.

Фиран стоял, глядя на Аэриндэль. Его глаза были сухими, но в них отражалось что-то такое, от чего её насмешливая улыбка начала угасать.

— Хорошо, — медленно произнёс Фиран, глядя ей прямо в глаза, — что вашим детям не пришлось бежать, чтобы выжить, оставляя позади всё, что у них было. Что им не пришлось видеть, как жизнь уходит из тех, кого они любили всем сердцем. Из их братьев, сестёр, отцов и матерей.

Лицо Аэриндэль застыло, словно маска. На мгновение она отвела взгляд, но тут же вернула его обратно — слишком поздно, чтобы это осталось незамеченным.

— Ты права, — продолжил Фиран, и его голос стал тише. — Вам приходится нянчиться с нами, делиться едой, одеждой, кровом. Но мы здесь, чтобы одолеть Найлу. И когда это произойдёт, если я буду жив, я уведу тех, чьё присутствие так тяготит тебя, и мы найдём новый дом.

Он замолчал. На площадке было тихо. Ученики замерли, не сводя глаз с него и с Аэриндэль. Даже ветер, казалось, затих, словно прислушиваясь.

Фиран подобрал с земли свой плащ, накинул его на плечи и, не оглядываясь, пошёл к выходу со двора.

— Урок окончен, — Эльварфаэль обратился к ученикам. — Подумайте над тем, что слышали. А сейчас ступайте.

Ученики встали, поклонились учителю и Аэриндэль и покинули площадку. Когда они остались одни, Эльварфаэль повернулся к Аэриндэль. В его глазах не было ни осуждения, ни насмешки. Только лёгкое сожаление.

— Ты могла бы и не подначивать гостя.

— Он сам начал, — ответила она резко, но в голосе её не было прежней уверенности. — Кто он такой, чтобы сомневаться в нас?

— А что в этом плохого? — спросил Эльварфаэль. — То, что он увидел здесь, разошлось с тем, с чем ему приходилось сталкиваться в своих странствиях. Ты же оскорбила его перед учениками. Разве это одно и то же?

Аэриндэль не ответила. Она смотрела на проход, где скрылся Фиран, и в её взгляде впервые за долгое время мелькнуло что-то похожее на тень сомнения.

Эльварфаэль продолжил:

— Ты будущее нашего народа. И тебе не подобает так относиться к гостям. Тем более к нашим южным родичам.

Аэриндэль фыркнула, развернулась и, не сказав ни слова,

пошла прочь со двора.

Эльварфаэль проводил её взглядом и устало вздохнул.

Ей ещё так многому предстоит научиться, — подумал он.

Родгар покинул их временное жилище ближе к полудню.

Конечно, ведь так сложно разбудить... гады... — подумал он, выйдя на крыльцо, и оглядываясь. Друзья могли быть где угодно.

Он потянулся, чувствуя, как хрустят суставы после сна на непривычно мягкой постели, и прислушался к себе. В животе урчало. Хорошо бы найти место, где можно перекусить. И заодно посмотреть, нет ли здесь храма Веритас. Родгар чувствовал, что должен посетить дом своей богини. Он пошёл по улице, глаза по сторонам.

Нортхольм сильно отличался от городов людей. Время здесь словно застыло. Солнце пробивалось сквозь кроны деревьев, оставляя на мостовой узорчатые тени. Никто никуда не спешил. Улицы были широкими, вымощенными светлым камнем, дома — высокими и изящными. Где-то вдалеке, за домами, журчала вода — то ли ручей, то ли фонтан.

Но главное отличие — помимо архитектуры и неторопливости жителей, — отсутствие стражников. Нет, конечно, когда они въезжали в город, пару дней назад, Родгар видел стражей у крепостных ворот. Но сейчас, сколько бы он ни

оглядывался, заметить хоть один патруль ему не удалось.

Джонни, они на деревьях! — он внезапно вспомнил фразу из своего мира и расхохотался, но всё же поднял глаза вверх. На деревьях, коих здесь было бесчисленное количество, естественно, никого не оказалось. Лишь проходящая мимо эльфийка с ребенком посмотрела на Родгара, как на умалишённого, цокнула, и пошла дальше.

Родгар проводил эльфийку взглядом, усмехнулся и пошёл дальше. Он миновал ещё несколько улиц, разглядывая резные фасады и витражи, когда до него донеслись голоса — громкие, азартные, с лёгкой хрипотцой. Смех и ругань перемешивались со звоном монет.

Родгар решил посмотреть, что там.

За поворотом, у стены одного из домов, сидели трое. Низкорослые, круглощёкие, в простой одежде. Хольты. Маленький народец, почти истреблённый по указу Найлы. Теперь встретить их можно было лишь на севере.

Они расположились на ступенях, окружив небольшую доску, на которой были разбросаны кости. Один из них — с седой бородой и хитрыми глазами — подхватил кубики, потряс ими, и ловко бросил на доску.

— Восемь! — выкрикнул он, и двое других застонали.

— Святые тараканы, Келдар! — воскликнул один из них,

молодой, с рыжими волосами, торчащими во все стороны.
— Ты что жульничаешь?

— Я просто знаю один секрет, — ухмыльнулся тот, кого называли Келдаром. Он поманил рыжего пальцем, и сказал:

— Сядь поближе, я тебе расскажу.

У рыжего загорелись глаза, и он придвинулся поближе к Келдару.

Келдар, делая вид, что собирается что-то тихо рассказать рыжему, наклонил голову к его уху, а сам резко отвесил щелбан ему прямо по носу.

— У-у-у-й! — завыл рыжий, отскакивая от старшего товарища.

— Нечего называть меня жуликом! — гаркнул Келдар. Он поднял глаза и заметил Родгара, наблюдающего за ними.

— Ого, братцы! Вы только гляньте! Человек! В Нортхольме?! — воскликнул Келдар. — Ты чего стоишь?! Иди скорее к нам!

Родгар на мгновение заколебался, но любопытство перевесило голод — он подошёл к хольтам и опустился на корточки рядом с ними.

— Добрый день, — сказал он, чуть улыбнувшись. — Я, если честно, ищу место, где можно перекусить. Не подскажите?

Хольты переглянулись. Рыжий, всё ещё потирая ушибленный нос, с ног до головы оглядел Родгара, и расплылся в широкой улыбке:

— Ха! Ты пришёл по адресу, человек! — он хлопнул себя по животу. — Мы тут как раз собирались перекусить. Келдар, давай показывай, что у нас там.

Келдар полез за пазуху и извлёк небольшой кожаный мешок. Развязав его, он выложил на доску прямо поверх костей несколько кусков вяленого мяса, круглую лепёшку и небольшой кувшин, от которого пахло травами.

— Держи, человек, — сказал он, протягивая Родгару кусок лепёшки и ломтик мяса. — Угощайся. Кстати, ты как вообще тут оказался?! В Нортхольм людей давно уж не пускают.

Родгар поднёс хрустящую в руках лепешку к носу и глубоко вдохнул. От запаха выпечки у него чуть было не потекли слюни.

— Спасибо, — сказал он и откусил кусок лепёшки. Внутри она оказалась очень мягкой, с лёгким привкусом мёда. Мясо было с лёгкой остринкой — ровно таким, как он любил. Голод отступил, уступая место приятной сытости.

Рыжий протянул ему деревянную кружку с тёплым настоем.

— Пей. Наш собственный рецепт. Келдар называет его «секретом бодрости», хотя дело всего лишь в забродивших...

— Держи язык за зубами, Бренн, — буркнул Келдар.

Родгар сделал глоток. Напиток оказался горьковато-сладким, с лёгким ягодным послевкусием. Тепло разлилось по телу, а голова тут же очистилась от гнетущих воспоминаний

последних дней.

— Спасибо, — повторил он, чувствуя, как на душе становится легче. — Очень вкусно!

— А ты, стало быть, так и не ответил, — заметил третий хольт, до этого молчавший. Он был старше остальных, с глубокими морщинами на лице и широкими седыми усами. — Откуда будешь? И как здесь оказался?

— Из Афтирии, — пробубнил Родгар, жуя очередной кусок лепёшки.

— Мм. Астирия, значит, — задумчиво протянул старый хольт. — Далековато тебя занесло. И что же привело человека в Нортхольм?

— Долгая история, — сказал Родгар. — Если коротко — сопровождаю дипломатическую миссию.

— Дипломатическую, говоришь, — Келдар хитро прищурился. — Важный человек, получается?

Он пододвинул к Родгару кубики.

— Слушай, человек. Ты уже поел, выпил, отдохнул. Как насчёт того, чтобы немного развлечься? Мы тут как раз собирались начать новую игру.

Родгар посмотрел на кубики, потом на хольтов. В его голове мелькнула мысль о храме Веритас, который он искал.

— Я не умею, — признался он. — Да и у меня ещё дела есть.

— Да ладно тебе! — всплеснул руками Бренн. — Играть научим. А что за дела? Может мы помочь можем?

— Даже не знаю, — засомневался Родгар. — Я, если честно, искал храм. Мне сказали, что он есть в Нортхольме, но я не знаю, где именно...

— Храм есть, Веритас нет, — лукаво улыбаясь ответил Келдар. — Посиди с нами, всё расскажем. Как тебя кстати звать-то, человек?

— Э-э-э, Родгар — ответил он, окончательно запутавшись.

— А я Бренн, — рыжий вытер руку об штанину и протянул её Родгару. — Это Келдар, а вот этот старый хрыч — Одберт.

Седой хольт хмыкнул, но возражать не стал. Его глаза, окружённые сетью морщин, смотрели на Родгара с лёгкой хитрецей, которая, казалось, была его постоянным спутником.

— Добро пожаловать в Нортхольм, Родгар, — продолжил Бренн. — Так что? Сыграем? А потом мы расскажем тебе, как быстро добраться до храма. Сэкономим твоё время. Мы, хольты, слово держим.

Келдар толкнул Бренна локтем:

— Ты что, нашим словом разбрасываешься? Он же человек, он не поймёт!

Родгар задумался. Хольты смотрели на него с таким открытым, почти детским любопытством, что он невольно улыбнулся, чувствуя, как его настроение поднимается.

— Ладно, — сдался он. — Уговорили. Но если обманете,

пеняйте на себя!

— Ха! — воскликнул Бренн, пододвигаясь, чтобы Родгар мог сесть на ступеньку. — Если мы тебя обманем, то вернём тебе всё в двойном размере! Давай садись поудобнее. Келдар, показывай, как играть.

— Правила простые, — сказал Келдар и подвинул к нему кубики. — Кидаешь три кубика. Чем больше очков — тем лучше. Бросаем по очереди. Проигрывает тот, у кого меньше сумма.

— И всё? — удивился Родгар.

— А что тебе ещё нужно? — усмехнулся Бренн. — Главное — удача. А сегодня удача на твоей стороне, ведь ты встретил нас!

— Посмотрим, — сказал Родгар и взял кубики в руки.

Он подбросил их в воздух — тёплые, гладкие, с вырезанными цифрами. Они с глухим стуком упали на доску.

Шесть, четыре и три.

— Тринадцать, — объявил Келдар. — Неплохо для новичка.

Он взял кубики, потряс их в ладонях, зашептал что-то себе под нос и сделал бросок.

Пять, шесть и пять.

— Шестнадцать! — выкрикнул Бренн. — Ты проиграл, человек!

Родгар нахмурился.

— Это была разминка.

— Конечно, конечно, — усмехнулся Келдар. — Давай ещё раз. Только теперь на серебро.

Некоторое время спустя

Родгар проиграл раз. Потом второй. Потом третий. Кошель на его поясе стремительно пустел, а хольты становились всё веселее. В конце концов он проиграл всё серебро, что дал ему Фиран, разделив свой выигрыш от кулачных боёв.

— Да ты специально поддаёшься! — обиженно воскликнул Келдар.

— Я просто везучий, — повторил Родгар слова Бренна, и вся компания расхохоталась.

— Ещё? — спросил Бренн.

— Я думаю хватит, — вздохнул Родгар. — Вы и так обчистили меня до нитки.

Он поднялся, собираясь уходить, но Келдар остановил его, положив руку на плечо.

— Подожди, человек. Давай так. Сыграем в последний раз. Если выиграешь — мы вернём тебе всё, что ты проиграл.

— А если проиграю?

Келдар переглянулся с Бренном и Одбертом.

— Если проиграешь, — медленно произнёс Келдар, — ты будешь должен нам услугу. Одну. Небольшую.

Родгар насторожился.

— Какую?

— Ты человек важный. Дипломатическая миссия, говоришь, — Келдар понизил голос. — В Нортхольме, в казематах, сидит наш друг. Хольт. Эльфы заперли его за сущий пустяк.

Родгар задумался. В глубине души он понимал, что опять проиграет, а они — просто жулики. Но глядя на них, он видел ещё одну боль Элланора — маленьких созданий, почти истреблённых Найлой. И он решился.

— Хорошо, — сказал он. — Не обещаю, что получится. Но если проиграю — попробую вызволить вашего друга.

— Мы знаем, — кивнул Одберт, заговорив впервые за долгое время. — Этого достаточно.

— То есть, вы даже предположить не можете, что я выиграю? — прищурился Родгар.

На пару мгновений повисла неловкая тишина. А потом хольты расхохотались.

— Да конечно ты выиграешь! — подбодрил его Бренн. — Давай уже, скорее, бери кубики.

— Ты кидаешь первым, — добавил Келдар.

Родгар сделал бросок.

Четыре, пять, два.

— Одиннадцать, — объявил Бренн.

Келдар взял кубики, улыбнулся и бросил. Он даже не посмотрел на результат, когда кости остановились — четыре, четыре и четыре.

— Двенадцать, — сказал он. — Ты проиграл.

Родгар уставился на доску, потом перевёл взгляд на хольтов. Те сидели с совершенно невинными лицами и смотрели на него.

— Вы жулики, — сказал он беззлобно, качая головой. — Вы просто жулики. Все трое.

— Мы? — Бренн приложил руку к груди, изображая оскорблённую невинность. — Да как ты мог такое подумать, человек! Мы играли честно!

— Честно? — Родгар фыркнул. — Я проиграл вам всё, что у меня было, в кости, в которые никогда не играл. При этом вы сами сказали, что правила простые и всё зависит от удачи. А вы выигрываете каждый раз. Как такое возможно?

— Удача, — пожал плечами Келдар. — Она переменчива. Сегодня ты проиграл, завтра выиграешь. Так устроена жизнь. Ты этого не знал?

— Переменчива, — передразнил его Родгар, но в голосе его слышалась скорее усмешка, чем злость. — Ладно, я понял. Вы просто хотели, чтобы я согласился помочь вашему другу.

— А ты догадливый, — ухмыльнулся Бренн и добавил: — Для человека.

Родгар хотел продолжить, но глядя на них, невольно улыбнулся. Он понял, что не может на них злиться. Да, они его обхитрили. Но они сделали это не ради выгоды, а чтобы спасти своего товарища.

— Вы могли бы просто попросить, — сказал Родгар. — Я бы и так согласился.

— Не могли, — покачал головой Одберт. — Люди редко помогают просто так. Мы должны были убедиться, что ты согласишься.

— И вы убедились, — вздохнул Родгар. — Ладно. Я слово сдержу. Как только смогу, попытаюсь помочь вашему другу. Но я ничего не обещаю.

— Мы знаем, — повторил Келдар слова Одберта. — Этого достаточно.

— А теперь, — Родгар поднялся и отряхнул колени, — скажите мне наконец, где этот храм.

Бренн указал рукой в сторону улицы, уходящей на север.

— Иди прямо. Через несколько кварталов увидишь мост. Перейдёшь его — и ты на месте.

— Мост? — переспросил Родгар. — А сам храм?

— Ты поймёшь, когда увидишь, — загадочно улыбнулся Келдар.

Родгар хотел спросить ещё, но передумал. Хольты явно не собирались ничего объяснять.

— Спасибо за угощение, — сказал он. — И за игру.

Родгар развернулся и сделал несколько шагов, когда Одберт окликнул его:

— Подожди.

Родгар обернулся. Старый хольт стоял рядом и протягивал ему руку. На его раскрытой ладони лежало деревянное

кольцо.

— Что это? — Родгар взял кольцо, чувствуя его шершавую поверхность. Оно было лёгким, невзрачным, покрытым сетью тонких трещин, которые складывались в причудливый узор.

— Это тебе, — сказал Одберт. — На память.

— Ты узнаешь, когда придёт время, — ответил старый холт. — А пока — храни его, как самое дорогое, что у тебя есть. Это не просто деревяшка.

— Хорошо, — кивнул Родгар, убирая кольцо во внутренний карман куртки. — Спасибо.

— Бывай, человек! — Бренн помахал ему рукой.

Родгар кивнул и отправился на поиски храма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.